
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

И.А. Абдуллаев

Кафедра политического анализа и управления
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена исследованию проблемы безопасности в Каспийском регионе в условиях новой геополитической реальности. В качестве факторов, изменяющих обстановку в мире и актуализирующих геополитические интересы ряда государств в отношении Каспийского моря, автор выделяет «цветные революции» в арабских странах, сирийский конфликт, обострение отношений США и Ирана, обострение отношений Турции и России и другие. В статье определяются риски дестабилизации обстановки в Каспийском регионе в зависимости от каждого из указанных факторов, а также формулируются предложения по обеспечению коллективной безопасности Прикаспийских государств.

Ключевые слова: Каспийский регион, Каспийское море, энергетическая интервенция, национальная безопасность, геополитические интересы, политико-правовой статус, политический конфликт, межгосударственное сотрудничество, ИГИЛ.

Каспийский регион в силу ряда своих особенностей является стратегически важным и геополитически значимым регионом не только для России, входящей в его состав, но и для таких государств, как США, Китай и страны Евросоюза. Исследовательские работы, посвященные энергетической привлекательности региона и его проблемам, пестрят признанием высокого потенциала, бесспорной значимости определения политико-правового статуса Каспийского моря и необходимости упорядочения внешнеполитических контактов России в отношении с прикаспийскими государствами [5—7]. Однако текущие события в мировой политике отчетливо свидетельствуют о том, что значимость региона и необходимость утверждения роли России в его пределах возрастает пропорционально обострению ситуации на Ближнем Востоке и продвижению американского влияния в сторону Ирана.

В первую очередь следует отметить, что до распада Советского Союза Иран был единственным государством, которое имело выход к Каспийскому морю помимо самого СССР.

«Парад суверенитетов» 1991 г. привел к изменению расстановки сил и увеличению количества прикаспийских государств. На сегодняшний день выход к морю помимо Ирана и России имеют также Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Как следствие, иранско-советское соглашение 1920 г. о порядке пользования Каспийским морем утратило свою силу, тогда как из-за ряда разногласий новое не было принято. По сей день отсутствует нормативно-правовая база, определяющая права пользования прибрежных государств углеводородными запасами шельфа моря.

Отсутствие масштабного правового регулирования связано в первую очередь с различными подходами стран в определении «национальных сегментов» моря. Так, государства с наибольшей длиной береговой линии — это Казахстан, Туркмения и Азербайджан — настаивают на делении шельфа моря на пропорциональные длине береговой линии сегменты, тогда как Иран, несмотря на длину береговой линии, настаивают на сохранении статуса-кво, т.е. равного доступа к морю всех прибрежных стран.

В первую очередь подобные претензии Тегерана ударяют по интересам Баку, т.к. участок шельфа, особенно богатый нефтегазовыми месторождениями, на которые претендует Иран, в соответствии с пропорциональным делением должен отойти Азербайджану.

Вместе с тем позиции России и Ирана сходятся по ряду других вопросов, что обосновывается не только длительным периодом сотрудничества в указанном направлении, но и идентичным пониманием геополитической значимости региона, его привлекательности для других государств, другими словами, схожим видением внешних угроз с Запада, тогда как новые прикаспийские государства в первое десятилетие после распада Советского Союза начали стремительно выстраивать отношения с западным бизнесом (на первых порах) и правительствами стран Европы и США (начиная со второй половины 1990-х гг.). И.С. Зонн и С.С. Жильцов называют американский и британский бизнес «тройным конем» англо-американских политиков [7. С. 15], который, проникая на территории бывших советских республик, стремился компенсировать потери от вытеснения с энергетического рынка Ирана и обеспечивал продвижение американской и британской точки зрения в политических вопросах новых каспийских государств.

Такое положение вещей вызывало беспокойство в равной степени и Москвы, и Тегерана. При этом обстановка на границах Каспийского региона является перманентно напряженной, особенно после 2001 г., когда существенным образом изменились методы внешнеполитической деятельности США, а именно «после трагедии в Соединенных Штатах Вашингтон с согласия крупных государств мира получил мандат на вхождение в любую страну, подозреваемую в связях с международным терроризмом» [1].

Так, в 2001 г. в соседнем для Ирана и Туркменистана Афганистане начался асимметричный военный конфликт, который может быть расценен в большей степени как американская агрессия, которая с различной степенью интенсивности продолжается до сих пор. Проникновение экстремистских группировок с афганских территорий и защита границ до сих пор является проблемой для двух каспийских государств. Так, на встрече министра иностранных дел С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Туркменистана Р.О. Мередовым 28 января 2016 г. подробно обсуждался вопрос о сохранении безопасного режима на границе Туркменистана и Афганистана [4], который остается актуальным до сих пор.

Начиная с 2003 г. в приграничном Ирану Ираке вплоть до 2011 г. велись военные действия, в результате чего в стране сформировалось проамериканское правительство, которое представляет угрозу для приграничного государства и усили-

вадет необходимость иранских властей следить за проницаемостью своих границ и за действиями соседа. Наконец, в 2011 г. эту же необходимость интенсифицировали события в арабском мире, которые, «зажигая» революциями одну страну за другой, приводили либо к беспорядкам, свержению конституционного строя и назначению проамериканского правительства при сохранении «управляемого хаоса» с оттенком религиозного экстремизма (Египет, Тунис, Ливия, Йемен) [9; 22], либо к сохранению руководства страны со смещением акцентов внешнеполитического курса государств (Саудовская Аравия, Марокко, Байхрейн) в пользу США.

На сегодняшний день только одна страна региона не затронута подобными событиями — это Иран — прикаспийское государство, которое, по признанию ряда экспертов, является конечной целью американской «энергетической интервенции» на Ближний Восток.

Еще одно государство — Сирия — находится в процессе определения своей дальнейшей политической судьбы. В ряде своих выступлений официальный представитель МИД России Мария Захарова тесно связала происходящие в Сирии события с дальнейшей судьбой Ирана и подчеркнула, что если правительство Башара Асада будет свергнуто, то следующей страной, которую ждет революция, военные действия и свержение конституционного строя, — это Иран.

При этом следует понимать, что для России опасно не свержение конституционного строя как такового, сколько замещение действующей власти проамериканским режимом. В частности, в рамках одного из своих брифингов М. Захарова сослалась на слова трех западных экспертов — бывшего Главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, отставного генерала Соединенных Штатов Америки У. Кларка, главы британского парламентского комитета по вопросам обороны, консерватора Дж. Льюиса и бывшего посла в Сирии, лейбориста П. Форда. В частности, цитата слов У. Кларка гласит, что вооруженные силы США за пять лет планируют разрушить семь стран, начав с Ирака и закончив Ираном [3].

Таким образом, события в «арабских странах», в первую очередь в Сирии, являются важнейшим фактором дестабилизации ситуации в Каспийском регионе, поскольку оказывают ощутимое влияние на безопасность одного из ее ведущих представителей — Ирана. Следовательно, можно констатировать, что военная операция России в Сирии может быть расценена как признание факта угрозы Ирану, которая, безусловно, пропорциональна угрозе стабильности Каспийского региона.

Подтверждением данного факта можно считать нарастание межгосударственного сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран, которое с конца 2015 г. без преувеличения можно считать интенсивным. Так, с 24 ноября, когда турецкой стороной был сбит российский самолет СУ-24, были проведены: масштабная встреча Президента России В.В. Путина с верховным правителем Ирана аятоллой Али Хаменеи и Президентом Ирана Хасаном Роухани, встреча министров иностранных дел России и Ирана С.В. Лаврова и М.Д. Зарифом,

шесть официальных встреч на уровне заместителей министров иностранных дел и послов, пять официальных телефонных переговоров. В каждом случае велось обсуждение обострения ситуации на Ближнем Востоке и решении общих региональных проблем.

Вместе с тем обозначило себя стремительное решение вопросов, связанных с иранской ядерной программой, этому были посвящены три крупных рабочих встречи в рамках МАГАТЭ, а также встреча заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова с Политическим директором МИД Великобритании С. Гассом, в качестве подготовки к началу полноплатформенной реализации Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы [18]. Наконец, 29 декабря 2015 г. с территории Ирана был вывезен обогащенный уран [19]. Последнее событие можно также расценивать как способ устранения декларируемых госдепом США поводов для военного вторжения в Иран. Кроме того, излюбленной темой американских политиков, которая используется для обоснования вмешательства во внутренние дела государств, является проблематика прав человека. В этом контексте символичной может считаться межмидовская встреча России и Ирана, которая состоялась 24 декабря 2015 г., по вопросам соблюдения прав человека на территории последнего [20].

Наконец, наиболее важным событием, подтверждающим признание острой угрозы Каспийскому региону, может считаться встреча министров обороны России и Ирана, а также личная встреча Президента России с министром обороны Ирана, которые состоялись 16 февраля сего года. Несмотря на то, что подробности данных встреч не раскрывались в полной мере, можно привести слова министра обороны РФ С.К. Шойгу, который по итогам встречи отметил, что Россия и Иран готовы сотрудничать по широкому кругу глобальных и региональных вопросов, т. к. у обоих государств есть общие угрозы [21].

Поскольку интенсивность российско-иранского сотрудничества связывается нами с кризисом в отношениях Турции и России, то следует подробнее остановиться на анализе «турецкого фактора», абсолютизирующего угрозу безопасности Каспийского региона.

В первую очередь стоит отметить, что на сегодняшний день из всех государств, граничащих с каспийскими странами, Турция по праву может считаться лидером в вопросах влияния сразу на несколько государств. Во-первых, территория Турции граничит с территориями Сирии и Ирана, а подозрения в связи правительства Эрдогана с Исламским государством ставят угрозу национальной безопасности и защищенности границ Ирана. Во-вторых, Турция на сегодняшний день является главным «транслятором» точки зрения и политики США в отношениях с бывшими постсоветскими республиками. Так, турецкое государство является одним из главных партнеров Азербайджана, который традиционно рассматривает Турцию в некотором смысле как «братское государство».

Вместе с тем Турция отличается высоким уровнем милитаризации, является членом НАТО, стремится войти в состав ЕС и тесно взаимодействует в военной

сфере с США. Совокупность всех этих факторов на протяжении более чем 10 лет делала Турцию потенциальной угрозой российско-азербайджанского сотрудничества и оказывала влияние на негласный выбор между США и Россией, который делал Азербайджан. Например, Азербайджан согласовал строительство трубопровода «Баку—Тбилиси—Джейхан» в обход России и Ирана, тогда как ранее поставка нефти предполагалась по нефтепроводу «Баку—Новороссийск». Подписание проекта БТД состоялось в Анкаре при непосредственном участии министра энергетики США Билле Ричардсоне.

Однако, несмотря на то, что из числа прикаспийских государств в первую очередь Азербайджан стремится упрочить свои отношения с Анкарой, Казахстан и Туркменистан также склонны попасть под влияние турецко-американских союзнических проектов. Так, в 2003—2004 гг. Турция вела активное экономическое, энергетическое и идеологическое проникновение в центрально-азиатский регион. В частности, это стало возможным благодаря созданию идеи пантюркизма, которая в большей степени привлекла Азербайджан и Туркменистан. Несмотря на то, что данный проект завершился, сохраняется вероятность усиления центрально-азиатских векторов внешней политики Анкары.

С точки зрения России наиболее проблемным в этом направлении помимо Азербайджана является Туркменистан, для которого экономически и энергетические проекты Турции будут особенно привлекательными, особенно при участии США. Следует отметить, что нынешний Президент Туркменистана Г.М. Бердымухамедов начал свою президентскую карьеру с декларирования необходимости развития сотрудничества с США. Так, во время встречи с представителями бизнеса в Нью-Йорке он заявил: «Активное присутствие США в регионе мы рассматриваем как важный фактор и стабильности, и перспективности экономического развития. Туркменистан придает первостепенное значение дальнейшему развитию отношений с США. Особенно это касается нашего нефтегазового комплекса. Здесь мы рассматриваем США как одного из ключевых партнеров, способного внести значительный вклад в модернизацию отрасли» [2]. В этом контексте январские встречи министра иностранных дел России С.В. Лаврова с Президентом и министром иностранных дел Туркменистана также могут быть расценены как подтверждение актуализации «турецкой угрозы» в данном направлении.

Несмотря на то, что на протяжении длительного времени роль США в российско-турецких отношениях расценивалась как важный, самостоятельный фактор [11. С. 125], в 2015 г. можно зафиксировать еще большее усиление сотрудничества Турции с США в противовес отношениям с Россией. Так, военная операция России против ИГИЛ вызвала резкое недовольство США и Турции, которые решили объединить свои усилия в вооруженной борьбе против Исламского государства. В рамках антироссийской повестки дня в глобальной медиа-политической системе нейтрализуются доводы Кремля о связи Эрдогана с террористическими группами, тогда как поддержка террористов Анкарой представляет существенную проблему не только для приграничного Ирана, но и для самой России. Например, существует вероятность реанимации исламистских настроений в кавказ-

ских регионах страны. В рамках второй чеченской войны Эрдоган, будучи еще премьер-министром, подчеркивал, что Анкара в урегулировании внутреннего конфликта России видит только один выход — сотрудничество с боевиками, что для позиции Москвы было абсолютно неприемлемо. Несмотря на российско-турецкие переговоры 2005 г. о совместной борьбе с терроризмом, на территории турецкого государства сохранялись фонды финансовой поддержки боевиков, а страна отказывалась выдавать российскому правосудию чеченских боевиков, легально проживавших на территории Турции [11. С. 127], которая на сегодняшний день остается транзитной зоной для завербованных в ИГИЛ граждан РФ.

Наконец, в рамках последнего визита канцлера Германии в Турцию обсуждалось скорое вступление Турции в ЕС, чему А. Меркель обещала лично поспособствовать в обмен на лояльность и ряд уступок [16], которые вполне могут носить антироссийский характер и бесспорно скажутся на отношениях Москвы и новых каспийских государств.

Таким образом, можно констатировать, что через ухудшение отношений Турции и России появляются новые вызовы для стабильности и безопасности Каспийского региона.

Предполагается, что война России с Исламским государством будет использоваться Госдепом США для накаливания религиозной обстановки в регионе Каспийского бассейна. Религиозные разногласия входят в число факторов, которые препятствуют достижению договоренностей относительно политико-правового статуса Каспийского моря странами региона [7], поскольку четыре из пяти государств прикаспийской зоны — страны с доминирующим количеством населения, исповедующего ислам. Усилиями западной пропаганды в подобном контексте может быть актуализирован образ России как врага не только террористов, но и исламского мира в целом. В частности, с помощью Саудовской Аравии, которая, как было отмечено выше, является одним из оплотов США в арабском мире и при этом пользуется колоссальным авторитетом у мусульманского населения всего мира.

Развитие отношений США и Турции, возможность скоро вступления Турции в ЕС делают возможным развитие сценария, при котором обвинения в адрес России будут звучать не только от западных стран, но и от Турции, большая часть населения которой также исповедует ислам.

Следует отметить, что анализ риторики турецких властей и турецких СМИ свидетельствует о том, что Турция уже присоединилась к американской стороне в информационной войне против России. В частности, об этом указывает использование терминов «оккупация» и других ярлыков, которые используются для демонизации образа России.

В связи с изменением реалий мировой политики вопрос о стратегическом сотрудничестве звучит не как конъюнктурное высказывание, а как острая необходимость, вопрос сохранения стабильности и безопасности в регионе.

Предполагается, что данная угроза на сегодняшний день представляется наиболее значимой, а усилия российского руководства должны быть сосредоточены

на проведении грамотной информационной политики на постсоветском пространстве в целом и в странах Каспийского бассейна в частности.

С нашей точки зрения, необходимо, чтобы обоснование военных действий в Сирии происходило не только с позиции защиты конституционного строя последней и ее официального руководства, но также с точки зрения необходимости защиты мусульманского населения России, которое становится жертвой пропаганды ИГИЛ. Предполагается, что продуктивным для снижения описанной выше угрозы стал бы исламский политический форум прикаспийских государств, в котором приняли бы участие и представители духовенства мусульман от России.

Совокупность выявленных факторов, угрожающих стабильности и безопасности в регионе, ставит задачу предложения мер, необходимых для повышения уровня безопасности в Каспийском регионе и создания механизмов минимизации возможных угроз.

Так, безусловно, важным для обеспечения безопасности является Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, принятое на III Каспийском саммите. Однако данное соглашение имеет рамочный характер и перспективы к расширению, в частности, урегулированию вопросов военного сотрудничества, созданию системы коллективной безопасности, проведению коллективных учений и т.д.

К сожалению, на данный момент практика совместных мероприятий подобного толка показывает, что они не носят систематический характер и не являются действительно объединяющим основанием перед лицом общих внешних угроз. Так, последним из наиболее крупных мероприятий стало совместное учение российских и азербайджанских, российских и казахских пограничных войск в 2013 г., в рамках которых практиковалось в основном пресечение контрабандистской деятельности в Каспийском море. Позже, в 2014 г., состоялось аналогичное мероприятие для российских и азербайджанских пограничных служб. Представляется, что более значимым стало бы проведение общих учений, имеющих объединяющий характер и ставящих своей целью не только защиту биологических ресурсов Каспийского моря, но и создание системы обеспечения коллективной безопасности. Полезной могла бы стать единая структура отслеживания конфликтных ситуаций и обеспечивающая стремительное реагирование.

В числе мер, которые также могут быть предприняты для минимизации существующих угроз, можно также назвать проведение гуманитарных конференций, которые позволят не только выработать практику совместного принятия взаимовыгодных решений, но также и способствовать общему сближению государств. Предполагается, что для снижения угрозы создания образа России как врага исламского мира важным было бы объединение мусульманского духовенства всех прикаспийских стран в решении важных гуманитарных вопросов.

Несмотря на наличие большого процента населения, исповедующего ислам, Россия не использует свои возможности и духовенство для сближения с мусульманскими странами, тогда как религиозный диалог с ними способен существенно усилить общую продуктивность взаимодействия.

Таким образом, создание системы коллективной безопасности в Каспийском регионе представляется весьма значимой задачей, решение которой не терпит отлагательств в условиях последних событий в мировой политике.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баку поможет Вашингтону в войне с талибами // Независимая газета. 14.11.2001. URL: http://www.ng.ru/cis/2001-11-14/5_baku.html.
- [2] Бердымухамедов сблизился с США. URL: <http://www.gundogar.org/?021204506300000000000011000000>.
- [3] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 29 октября 2015 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1906177.
- [4] Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с заместителем Председателя Кабинета министров, Министром иностранных дел Туркменистана Р.О. Мередовым, Ашхабад, 28 января 2016 года. URL: http://www.mid.ru/maps/tm/-/asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/2038628.
- [5] *Гильмутдинова Д.А.* Политика США в Каспийском регионе (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан). Дисс. к.п.н. 23.00.04. Москва, 2007.
- [6] *Жильцов С.С.* Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17.
- [7] *Зонн И., Жильцов С.* США в погоне за Каспием. М., 2009.
- [8] *Зубкова А.И.* Мягкая сила Турции: феномен «soar power» как инструмент культурной дипломатии // Вестник РУДН: серия «Политология». 2015. № 2.
- [9] *Ивайна М.Ш.* «Арабская весна» и палестинская проблема // Вестник РУДН: серия «Политология». 2014. № 2.
- [10] *Крылов А.* Турецкий шантаж. Зачем Турции был нужен Путин? URL: <http://www.novopol.ru/article1093.html>.
- [11] *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.).
- [12] *Люльчак Е.* Лидеры «цветных революций». Взгляд политического психолога. М., 2011.
- [13] Майкл Феллон: «Скорейшее разрешение нагорно-карабахского конфликта важно также и для обеспечения энергобезопасности». URL: <http://1905.az/ru/майкл-феллон-скорейшее-решение-наго>.
- [14] *Максимов И.В.* «Цветная революция» — социальный протест или сетевая технология. М., 2010.
- [15] *Манойло А.* Технология управления международными конфликтами. М., 2011.
- [16] Меркель пообещала ускорить процесс вступления Турции в ЕС. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/18/eu>.
- [17] *Наумов А., Наумова А., Авдеев В.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. М., 2014.
- [18] О встрече заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова с Политическим директором МИД Великобритании С. Гассом. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPVmpXjn4Ob/content/id/1965607.
- [19] О вывозе из Ирана при содействии России обогащенного урана в рамках подготовки к практической реализации СВПД. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPVmpXjn4Ob/content/id/1993161.
- [20] О российско-иранских консультациях по правам человека. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPVmpXjn4Ob/content/id/1993161.
- [21] Путин провел встречу с министром обороны Ирана. URL: <http://tass.ru/politika/2673015>.
- [22] *Фахиме С.* «Братья-мусульмане» в египетской революции 2011 г. // Вестник РУДН: серия «Политология». 2014. № 2.

SECURITY PROBLEMS IN THE CASPIAN REGION IN THE CONTEXT OF THE NEW GEOPOLITICAL SITUATION

I.A. Abdullaev

The Department of Political Analysis and Management
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article investigates the problem of security in the Caspian region in the conditions of current geopolitical reality. Author highlights the factors that change the situation in the world and activating the geopolitical interests of a number of states in the Caspian region: “color revolutions” in the Arab countries, the Syrian conflict, the aggravation of relations between the US and Iran, the aggravation of relations between Turkey and Russia etc. In the article author defines the risks of destabilization of the situation in the Caspian region as a function of each of these factors, and formulate proposals on the collective security of the Caspian states.

Key words: Caspian region, the Caspian Sea, the energy intervention, national security, geopolitical interests, political and legal status, political conflict, inter-state cooperation, ISIS.

REFERENCES

- [1] Baku pomozhet Vashingtonu v vojne s talibami. *Nezavisimaja gazeta*. 14.11.2001. URL: http://www.ng.ru/cis/2001-11-14/5_baku.html.
- [2] Berdymuhamedov sblizilsja s SShA. URL: <http://www.gundogar.org/?021204506300000000000011000000>.
- [3] Brifing oficial'nogo predstavitelja MID Rossii M.V. Zaharovoj, Moskva, 29 oktjabrja 2015 goda. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1906177.
- [4] Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova po itogam peregovorov s zamestitel'em Predsedatelja Kabinet'a ministrov, Ministrom inostrannyh del Turkmenistana R.O. Meredovym, Ashhabad, 28 janvarja 2016 goda. URL: http://www.mid.ru/maps/tm/-/asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/2038628.
- [5] Gil'mutdinova D.A. Politika SShA v Kaspijskom regione (Azerbajdzhan, Kazahstan, Turkmenistan). Diss. k.p.n. 23.00.04. Moskva, 2007.
- [6] Zhil'cov S.S. Kaspijskij region na perekrestke geopoliticheskikh strategij. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2014. T. 17.
- [7] Zonn I., Zhil'cov S. SShA v pogone za Kaspiem. M., 2009.
- [8] Zubkova A.I. Mjagkaja sila Turcii: fenomen «soap power» kak instrument kul'turnoj diplomatii. *Vestnik RUDN: serija Politologija*. 2015. № 2.
- [9] Ivajna M.Sh. «Arabskaja vesna» i palestinskaja problema. *Vestnik RUDN: serija Politologija*. 2014. № 2.
- [10] Krylov A. Tureckij shantazh. Zachem Turcii byl nuzhen Putin? URL: <http://www.novopol.ru/article1093.html>.
- [11] Luzjanin S.G. Vostochnaja politika Vladimira Putina. *Vozvrashhenie Rossii na «Bol'shoj Vostok» (2004—2008 gg.)*.
- [12] Ljul'chak E. Lidery «cvetnyh revoljucij». *Vzgljad politicheskogo psihologa*. M., 2011.
- [13] Majkl Fellon: «Skorejshee razreshenie nagorno-karabshkogo konflikta vazhno takzhe i dlja obespechenija jenergebзопасnosti». URL: <http://1905.az/ru/majkl-fellon-skorejshee-reshenie-nago>.
- [14] Maksimov I.V. «Cvetnaja revoljucija» — social'nyj protest ili setevaja tehnologija. M., 2010.

- [15] Manojlo A. Tehnologija upravljenja mezhduнародnymi konfliktami. M., 2011.
- [16] Merkel' poobeshhala uskorit' process vstuplenija Turcii v ES. URL: <http://lenta.ru/news/2015/10/18/eu>.
- [17] Naumov A., Naumova A., Avdeev V. «Cvetnye revoljucii» na postsovetском prostranstve. M., 2014.
- [18] O vstreche zamestitelja ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.A. Rjabkova s Politicheskim direktorom MID Velikobritanii S. Gassom. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPBmpXjn4Ob/content/id/1965607.
- [19] O vyvoze iz Irana pri sodejstvii Rossii obogashhennogo urana v ramkah podgotovki k prakticheskoj realizacii SVPD. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPBmpXjn4Ob/content/id/1993161.
- [20] O rossijsko-iranskih konsul'tacijah po pravam cheloveka. URL: http://www.mid.ru/maps/ir/-/asset_publisher/HUPBmpXjn4Ob/content/id/1993161.
- [21] Putin provel vstrechu s ministrom oborony Irana. URL: <http://tass.ru/politika/2673015>.
- [22] Fahime S. «Brat'ja-musul'mane» v egipetskoj revoljucii 2011 g. *Vestnik RUDN: serija Politologija*. 2014. № 2.